

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

С.Е. Глазырин

*доц. кафедры конституционного права и государственного управления
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой*

Историография русско-французской войны 1812 года на территории Российской империи и Витебской губернии в частности довольно обширна. Также весьма широким представляется спектр исследуемых проблем, от ведения боевых действий до последствий войны на указанной территории. Однако, как заявляют представители современной исторической науки, война 1812 года, как историческая проблема, остаётся на сегодняшний день такой же дискуссионной и актуальной. Среди таких дискуссионных и малоизученных вопросов, можно отметить вопросы, связанные с отношением разных категорий населения Витебской губернии к событиям войны 1812 года и формированием в её условиях этнической идентификации и самоидентификации. В свою очередь, региональная специфика, как предмет изучения внутри проблемы русско-французской войны также представляется актуальным. В данном исследовании мы не будем подробно останавливаться на вопросах военных действий и оккупационной политики французских властей на территории Витебской губернии в 1812 году, а раскроем их в объёме, необходимом для изучения указанных выше проблем. Также следует отметить тот факт, что, рассматривая проблему этнической идентификации и самоидентификации населения Витебской губернии в условиях войны 1812 года, мы рассматриваем исторический период, когда национальнообразующие процессы на указанной территории ещё не начались. Поэтому, такие этнические категории как **поляк, русский, белорус, литовец** и их производные, употребляемые в данном тексте, не могут являться синонимами современных названий наций.

Основная часть территории Витебской губернии была занята французской армией в течение июля 1812 года. Оккупационный режим действовал здесь до конца осени того же года. Пребывая в Витебске, Наполеон специальным указом создал военно-гражданскую администрацию Витебской губернии. Так, витебским военным губернатором был назначен французский генерал Анри Франсуа Мари Шарпантье, гражданским комендантом Витебска – французский политический деятель, маркиз Амеде-Давид де Пасторе. Также в городе была создана административная («правлящая») комиссия (местное самоуправление). В её состав вошли: на правах председателя – генерал Шарпантье (позднее де Пасторе), генеральный секретарь – Ян Щитт; на правах членов в комиссию вошли представители местного крупного католического землевладения во главе с витебским губернским маршалком Юзефом Генрихом ван ден Борхом. Губерния была разделена на 12 уездов, каждый находился под управлением подпрефекта, также назначаемого из местных дворян-католиков. Витебским подпрефектом, например, стал Станислав Богомолец – сын депутата главного Литовского трибунала от Витебского воеводства Петра Тадэуша Богомольца. Его брат Ромуальд Богомолец – подкоморий Городокского уезда в 1811 – 1815 гг., - назначен мэром города Витебска. Кроме того, в городе возобновил свою работу магистрат, куда вошли мещане христианского и иудейского вероисповеданий. [Сапунов; Herbarz Polski; эл.энциклопедия e-vitebsk)]. Таким образом, видно, что основу оккупационной военно-гражданской администрации Витебской губернии составляли представители местного дворянского римско-католического землевладения.

Однако их роль сильно ограничивалась командованием французского гарнизона, а основные функции сводились к поддержанию материального положения этого гарнизона и частей французской армии. В данной ситуации нам интересен вопрос об отношении, во-первых, местного дворянства к оккупационному наполеоновскому правительству, а во-вторых, отношение этого правительства и его армии к оккупированной территории Витебской губернии и местному дворянству. Следует отметить, что город Витебск, как и большинство городов губернии к моменту вступления в них французской армии остались практически безлюдными. Благодаря мероприятиям, проведённым местной губернской администрацией, большинство городского населения было эвакуировано вместе с государственными служащими в Невель и Великие Луки. Значительная часть жителей городов вынуждена была скрываться в окрестных деревнях и лесах. Меньшая часть горожан (в основном мещане и купцы) оставалась на своих местах жительства.

Вот как описывают ситуацию современники-очевидцы событий с разных сторон конфликта. Так, интендант Витебска маркиз де Пасторе отмечал: «Город Витебск был очищен вечером 27 июля (ст.ст.) 1812 года. В городе было великое смятение, генерал-губернатор и офицеры ускакали верхом, жители объаты смертельным беспокойством...при этом Витебск почти не был разграблен[Записки де Пасторе..с490]. В свою очередь, медик императорской гвардии Наполеона Доминик де Ла-Флиз в своих воспоминаниях дополняет де Пасторе: « 30 июля 1812 года ...войдя в город Витебск, мы не встретили ни души; дома и окна были заколочены, всё бежало из Витебска...кое-где только встречались обыватели не евреи, да и жида не надоедали нам...они явно изучали нас, с целью воспользоваться обстоятельствами, которые могли бы принести им выгоды, всё равно от русских или французов...наши начальники потребовали от них припасов. В городе также оставались некоторые униатские священники, которые хорошо принимали французов.»[Ла-Флиз. Поход Наполеона в Россию с.13].

Ещё более сложная ситуация сложилась в городе Полоцке. Вот каким его застал капитан 4 швейцарского полка французской армии: «28 августа 1812 года расположился гарнизоном наш полк в Полоцке...в домах мы нашли только мёртвых солдат. Жители разбежались. Прежде чем занять дома мы должны были похоронить мёртвых...Все остальные полки 2 и 6 корпусов остались в деревнях в 2 – 4 верстах от города. Генеральный штаб занял бывший монастырь иезуитов, где ещё жил старый монах, который оказал нам большие услуги.»[Французы в России. 1812 год. с. 116-117].

Очень интересными с точки зрения нашего предмета исследования, является фрагмент воспоминаний витебского чиновника губернского правления Гавриила Добрынина. В частности, он отмечал: «Слух о приближении французов к Витебску навёл страх на местных жителей. **Национальные россияне** начали прежде всех высылать своё имение из домов...а потом и сами удалились. Чиновники им последовали. Часть населения скрывалась в течение нескольких недель в окрестных лесах, в избах крестьян...»[Истинное описание или жизнь Гавриила Добрынина ...с.332]. В целом он подтверждал свидетельства французских очевидцев о ситуации сложившейся в городе. Важен тот факт, что Добрынин указывал на присутствие в социокультурной среде Витебска **национальных россиян**, под которыми он понимал приехавших сюда на государственную службу либо жительство уроженцев великорусских губерний, и, которых противопоставлял всему местному населению. Как следует из дальнейшего текста воспоминаний, кроме национальных россиян в городе проживали чиновники, учащиеся, землевладельцы из местных дворян-католиков (**поляков**), мещане и купцы всех вероисповеданий. С другой стороны, своё видение социально-этнической структуры «белорусского» общества Витебской

губернии предлагает нам известный витебский интендант де Пасторе: богатые дворяне (сплошь поляки) – «околичная шляхта» (без указания этнической принадлежности, но следуя логике, они не были поляками, и тем более, русскими) – горожане-купцы (все «жиды» и русские.)

Однако архивные источники свидетельствуют о том, что значительная часть мещан городов Витебской губернии в 1812 году не считали себя ни русскими, ни евреями)...они – мещане, ни в коем случае не являются частью народа, они – существа низшего порядка – крестьяне – рабы[Записки Пасторесс.497-498]. Далее в своих записках де Пасторе употребляет в отношении местных дворян как термин «поляк», так и термин «литовец»: «Литовцы...слабохарактерные...они их гордости отказываются от спокойной жизни, но из нужды попадают в рабство...Презренный народ, две трети которого состоит из рабов...остальная часть хвалится своим богатством лишь для того, чтобы вырвать подачки...и всё ещё кичится своей древней свободой, чтобы повыгоднее продать её[Там же с.482.]. «Император дал возможность литовцам постановить решение самостоятельно...во главе интендантств поставлен совет из **природных поляков...**»[Там же с.485]. Как видно из текста «Записок», под **литовцами** де Пасторе понимал бывших граждан Великого княжества Литовского, а **поляками** называл местных жителей римско-католического вероисповедания, а также этнических поляков.

Несмотря на то, что большая часть населения городов Витебской губернии вынуждена была эвакуироваться либо скрываться, те кто остался довольно тепло встречали солдат «великой» армии и самого Наполеона. Для этого из местных дворян была создана так называемая «депутация», которая и поднесла императору ключи от города. Взамен на благосклонность местной элиты, как говорилось выше, Наполеон даровал им самоуправление. [Там же с.490]. Гавриил Добрынин в свою очередь отмечал, что местная учащаяся молодёжь также с симпатией относилась к солдатам наполеоновской армии[Жизнь Гавриила]. Как следует из архивных документов, местом частых собраний профранцузски, патриотически настроенной католической молодёжи в городе Витебске был дом витебского губернского маршалка Юзефа Генраиха фон ден Борха. [Отечественная война..том XIVс.94]. Кроме этого, по сведениям российской военной полиции в Витебске накануне вторжения французских войск в начале июля 1812 года существовала угроза восстания против местной администрации со стороны местных «поляков»: «Сверх того, весьма много есть оставшихся пик после милиции в домах, хранящихся собственн у поляков. Слух дошёл до губернатора о том, что многие поляки готовы к вооружению оными, то не прикажите ли оные отобрать» [Там же с.59]. Картину настроений, царивших в Витебске в начале июля 1812 года дополняет ещё один интересный эпизод. Так, «полицией отыскан поляк Минской губернии Свенцицкий откупщик здешнего города, который приготавливаясь принять в город французов, заказал маляру сделать вывески на всех питейных заведениях с французским орлом с тем, чтобы тотчас по вступлении неприятеля оные всюду поставить...гербы сии приготавливаются и будут готовы 8 числа...начальство даёт время окончить сию работу, чтобы открыть злой умысел.» [Там же с.59]. Позднее дворянин Свенцицкий был казнён на площади принародно.

Более чётко на позицию дворян-католиков Витебской губернии по отношению к французским оккупационным властям указывают некоторые архивные источники. Так, в частности, из донесения надворного советника Шахова директору российской военной полиции видно, что отношение дворян-католиков Лепельского уезда Витебской губернии к французам было ещё более благосклонным: «3 июля 1812 года вошли в Лепель 40 человек французских красных гусар и польских улан...их принимал в своей квартире лепельский уездный маршалок Гребницкий. Неприятель во всех местах принимаются

от жителей с знаками их удовольствия, но даже и там, где нет неприятеля, а только ожидается, они как бы встречают гостей, толпясь в той стороне, откуда ожидают его прихода. А из жителей противных ему есть весьма малая часть...подсудок Хрептович по приказанию Гребницкого и польского офицера французской армии противились рекрутскому набору и занимался разведывательной деятельностью, а также отказался передать провиант русской армии. Сколько слышно здесь из мест, где проходили те войска, они не делают там никаких оскорблений жителям...от императора дано повеление, что каждый повет должен сформировать свой полк для французской армии...от местных помещиков французским офицерам делались денежные пособия [Там же с.38-39]. Здесь следует отметить, что указанная благосклонность местного католического дворянства могла быть вызвана их надеждами на возрождение «Польши» в условиях, когда территория уезда находилась в составе Российской империи только с 1793 года, что в значительной степени меньше остальной части губернии. Уже в ходе дальнейших боевых действий французские офицеры также отмечали исключительную гостеприимность местных помещиков-католиков. В частности упомянутый выше, де Ла-Флиз отмечал, что Наполеон должен благодарить местных помещиков за их благосклонность, спасавшую от голода не только отдельных офицеров, но и целые роты.[Ла-Флиз Д. де. Поход Наполеона ..с.17].

Что касается отношений Наполеона и представителей его временной администрации к местному населению и занятой территории Витебской губернии, то об этом вновь свидетельствуют очевидцы и современники событий. Так, французский бригадный генерал из окружения Наполеона Филипп Поль де Сегюр в своих записках отметил весьма интересный момент. Император, будучи в Витебске, сделал поручение двоим офицерам штаба провести мониторинг настроения местного населения по отношению к французам, тем самым показав своё небезразличие.[Сегюр, Ф.-П. История похода в Россию ...с.141-142]. В конечном счёте, де Пасторе в диалоге с императором позже резюмировал отношение местного населения к оккупации. На вопрос Наполеона будет ли сопротивляться местная знать и народ, витебский интендант ответил отрицательно.[Записки де Пасторе...с.514]. Далее, у того же де Пасторе, следуют замечания по поводу захваченной территории и отношения к ней. В политико-географическом отношении он не считал Витебск **Литвой**, к которой относил Вильно, Ковно, Гродно, Минск. В этой связи комендант отмечал, что «нынешнее завоевание не было похоже на предыдущие.

Витебск уже с древних времён составлял принадлежность **империи царей**. Став столицей **Белоруссии**, он воспринял особенности других русских областей и их дух подчинения (подобное описание Витебска современником встречаем в 1863 году в одном из номеров герценовского «Колокола».) Но в целях императора было выгодно как можно больше раздвинуть пределы **Польши** ... поэтому он сделал вид, что эта местность лежит в её границах, и слово «завоевание» заменял словом «освобождение». Примечательно, что можно сравнить эту ситуацию с отношением руководителей восстания 1863 года к указанным территориям, когда правительство Франции признавало необходимым организовать здесь вооружённую борьбу с целью указания границ **Польши**[Записки де Пасторе с.491]. Свою благосклонность по отношению к захваченным городам в Витебской губернии Наполеон подчёркивал даже тогда, когда вынужден был отступать из Москвы. «Возмущённый сожжением Москвы (русскими), приказал поступать подобным образом со всеми русскими поселениями. В **Белоруссии** же император прекратил эти опустошения и издал приказы, наказывающие эти нарушения, к сожалению, эти приказы не соблюдались.[Там же с.526]. Таким образом, маркиз де Пасторе включает Витебскую губернию (вместе с Могилёвской) в состав **Белоруссии**, а Минскую, Гродненскую и Виленскую – в состав **Литвы**.

В принципе, для французских эпистолярных источников того времени не свойственно употребление термина **Белоруссия** в целом. В то же время, это характерно для российской официальной переписки периода войны 1812 года и российской историографии второй половины XIX века, под влиянием которых были написаны указанные «Записки». Более того, де Пасторе населяет **Белоруссию не белорусами или русскими, а – литовцами и поляками** (про поляков и литовцев указывалось выше). В связи с вопросом идентификации указанной территории и отношения к ней со стороны представителей российской армии, очень интересными являются воспоминания прапорщика 12 дружины Санкт-Петербургского ополчения Зотова: «Первый **литовский город Невель** принял нас для ночлега. Но какую жестокою разницу нашли мы в чувствах и приёме жителей...здесь также как и в России не требовали денег, но ничего и не давали. **Обыватели** косились на нас и прятали свою провизию в подвалы, купцы закрывали лавки, и только одни космополиты евреи бегали вокруг нас и уверяли каждого в неизменной своей преданности к России. [Из воспоминаний Зотова..с.28]. Получается, что Витебская губерния для российского офицера это уже не **Россия** и не **Белоруссия**, а **Литва** (территория бывшего Великого княжества Литовского). О том, что это не субъективное представление Зотова, а мнение, свойственное для современного ему русского общества, свидетельствуют архивные источники. Так, существует целый комплекс документов, составляющий многочисленные прошения и рапорты жителей Витебской губернии (в том числе и «**национальных россиян**») с просьбой возместить им убытки, вызванные военными действиями и подтверждающий вышеуказанное утверждение. Приведём только некоторые из них:

Из прошения служащего в канцелярии белорусского военного губернатора канцеляриста Лейхтгаммера «...в прошедшем 1812 году при вторжении неприятельских войск, исполняя долг, я удалился в **Россию**» РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 92л.63].

Из прошения помещика из штаб-офицерских детей Смоленской губернии Торопецкого уезда: «имея собственный дом в г. Витебске, при вступлении в него французов, выехал с своим семейством в **Россию**» [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 92 л.67].

Из прошения русского чиновника: «По случаю военных обстоятельств, коснувшихся города Витебска я принуждён был отпустить жену мою в конце июня 1812 года с дочерьми на двух белорусских крестьянских тележках на Велиж в Россию(ф.1309,оп.1, д.80).

Из прошения секретаря нижнего земского суда Городокского уезда Григория Ушакова: «Во время вторжения неприятеля в пределы Белоруссии, когда от начальства было присутственным местам распоряжение дела вывезти в великорусские города» [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95 лл.133-134]. Таким образом, очевидно, что для большинства прибывших на службу в Витебскую губернию накануне войны 1812 года из великороссийских губерний империи чиновников эта территория не есть ещё **Россия и Северо-Западный край, это – Белоруссия, Витебско-белорусская губерния**, это в их сознании ещё чужая территория, что будет характерным явлением для периода правления последующих Романовых.

Что касается проблемы отношения крестьян и мещан Витебской губернии к событиям 1812 года, а также отношения к ним со стороны французской оккупационной администрации и армии, то она представляется нам так же, как и проблема их этнической идентификации и самоидентификации сложной и дискуссионной. Разрешение «крестьянского вопроса» на исследуемой территории той или иной противоборствующей стороной в различные исторические периоды предполагало возможность успеха для одной

из них. Это прекрасно понимал Наполеон, который столкнулся в июле 1812 года Витебской губернии с массовым и стихийным движением крестьян (в некоторой степени и мещан) против дворян-землевладельцев, а также с их совместными действиями с французскими мародёрами. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания очевидцев с обеих сторон конфликта. Так, интендант Витебска де Пасторе писал: «В Витебской губернии царил крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян... они воспринимали свободу в безудержном произволе. В этих условиях дворяне губернии обратились к императору. Для борьбы с восстанием и мародёрством были созданы летучие отряды [Записки де Пасторе с.492]. Его дополняет французский генерал голландский барон Дедем де-Гильдера: «В окрестностях Витебска население проявило революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому губернатору Шарпантье с просьбой приставить охрану для защиты их от крестьян, которые грабили помещичьи дома и дурно обходились с самими помещиками. Многие семейства, заботясь о своей безопасности, переехали в Витебск!!!» [Французы в России. 1812 год сс.139-140].

С другой стороны, такое поведение крестьян подтверждает и представитель витебской губернской администрации Гавриил Добрынин. Он указал, что местные крестьяне, воспользовавшись нашествием грабили вместе с французскими солдатами, а имущество горожан во время оккупации разворовывалось не только армией, но и самими местными жителями. [Истинное повествование..с.343, 352]. Что показательно, такая модель поведения крестьян Витебской губернии (части крестьян см. предыдущий отчёт) была характерна и во время восстания 1863 года, когда они после его начала активно выступили против дворян-землевладельцев. Однако тогда, местные крестьяне стали на сторону российского правительства. В 1812 году они (за исключением эпизода с крестьянами деревни Жарцы Полоцкого уезда, который воспринимается нами как движение крестьян-староверов в поддержку российского правительства (см. предыдущий отчёт)) его не поддерживали, о чём свидетельствует официальная переписка командования российской императорской армии. Так, в частности, крестьяне Лепельского уезда отказывались снабжать и содействовать снабжению фуражом армию. [Отечественная война..Том. XIVс.93].

В то же время, есть свидетельства о дальнейшем развитии в Витебской губернии на протяжении лета-осени 1812 года активного антипомещичьего движения крестьян. В этом отношении показательным является приказ по 1 пехотному корпусу российской императорской армии за №53 от 17.08. 1812 г. (ст. ст.): «Полоцкого уезда крестьяне разных помещиков, взбунтовавшись и соединясь с французскими мародёрами, ходили толпами, грабили мызы и били самих помещиков...драгуны наряжены для усмирения. Но крестьяне, вооружённые ружьями, пистолетами и кольями 9 сентября 1812 года напали на драгун при мызе Казулине, убили 2 человек. Унтер-офицера, 11 рядовых и 38 лошадей отвели в Полоцк к французам. Зачинщикам бунта были: французский капрал, полоцкий шляхтич Игнатовский, дворовой человек помещика Малиновского и несколько крестьян» [Приказы по Первому отдельному пехотному корпусу л .34-34а]. Ещё более убедительным в разрешении этого вопроса является рапорт витебского губернатора (с российской стороны) Лешерна Витгенштейну, в котором он жалуется и требует помощи в виде воинской команды(!!!) в ответ на действия крестьян Суражского уезда, которые, собираясь «толпами» в количестве до 300 человек!!! нападали на имения своих владельцев, грабили их и всё имущество доставляли французской армии. [Отечественная война...Том.XVIII.сс.130-131] Ещё ранее, 19 июля 1812 года (ст. ст.) крестьяне Велижского уезда, «вышедши из повиновения, большою толпою разграбили дом своего помещика,

весь провиант и скот доставили неприятелю»[там же..Том XIVс.282]. Во всех приведённых случаях показательным является тот факт, что крестьяне не только оказывали сопротивление представителям российской губернской администрации, а наоборот, содействовали французской. Такая позиция может отчасти объясняться той политикой, которую предложил Наполеон в отношении местного крестьянства. Об этом вспоминает его адъютант Сегюр: «Надо было привлечь народ (крестьян) свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело. Но действовать пришлось среди...отдельных диких крестьян. Некоторые **отцы крестьянских семейств просили Наполеона отменить крепостное право и предлагали себя в вожди отдельных восстаний, обещая обратить их в всеобщее...но русское дворянство** погубило бы из-за необузданной распущенности крестьян...Такое опасение взяло вверх в мыслях Наполеона, он решил не поднимать движение, которые он не смог бы направить. Сами господа не доверяли своим крепостным и более всего боялись восстания. Православные священники вели пропаганду против французов, также чтобы не допустить восстания[Сегюр сс.141-142.]. Это намерение Наполеона подтверждает и упомянутый выше барон Дедем: «Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, **т.к. народ этого ожидал...**Но Наполеону уже было трудно проповедовать революцию в России... [Французы в России. 1812 год.сс.139-140].

Показательным в указанных свидетельствах, является тот факт, что крестьяне (часть крестьян) в форме «делегаций отцов семейств» смогли обратиться к Наполеону, т.е. смогли выступить на тот момент в качестве **субъекта истории**, несмотря на то, что Де Пасторе называл их рабами. Что касается возможности восстания крестьян Витебской губернии при поддержке французской армии, то, на наш взгляд, оно могло быть осуществимо (следует вспомнить антипомещичье движение в Витебской и Могилёвской губернии в 1863 году). Однако, на тот момент в сложившихся условиях, Наполеону была более выгодной поддержка местных дворян. Тем не менее, обещание французского императора отменить крепостное положение осталось в памяти крестьян. Во время восстания 1863 года одним из действенных средств поднять их на антиправительственную борьбу было упоминание возвращения «Наполеона» либо «французов». Относительно проблемы этнической идентификации и самоидентификации крестьянского населения Витебской губернии в 1812 году, следует отметить, что в отличие от привилегированной части населения, оно не соотносило себя ни с какой-либо этнической (территориальной, исторической) группой либо этнической (географической, исторической) территорией и действовали сугубо в своих материальных интересах. Для представителей великорусских губерний (согласно архивных данных) крестьяне Витебской губернии обозначались как «**белорусские**» крестьяне, «**витебские крестьяне**», «**поляки**» (**приверженцы униатской церкви**), «**обыватели**» и т.п. (см. выше), для местных дворян – просто «**крестьяне**».

Позиция горожан иудейского вероисповедания Витебской губернии к событиям 1812 года была более определённой, а точнее сказать, космополитной. Об этом свидетельствуют обе стороны конфликта, что следует из приведенных выше материалов. В целом, отношение евреев к происходящему высказал один из представителей российской дореволюционной историографии Зарин Андрей Ефимович: «Евреи оказали примерное усердие. Один раввин из Полтавы написал послание в **Белоруссию**, в котором предписывал евреям оставаться верными российскому монарху, оказывать услуги военным начальникам...наложил пост и приказал молиться за успехи русского государя...»[Зарин. 1812 год : исторический очерк Отечественной войны ...с.31]. Необходимо отметить, что

еврейское население в целом придерживалось «предписаний» обозначенного раввина. Так, в частности, дриссенский мещанин Ицык Альтинзлер исполнял при при корпусах российских генералов Витгенштейна и Сиверса «различные» поручения. [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95 ЛЛ.133-162]. В то же самое время, мещане-иудеи Витебской губернии такие же «услуги» оказывали и французской армии. В общем, подобное поведение еврейского населения было характерным и для событий 1863 года на рассматриваемой территории.

Что касается решения одной из главных проблем исследования – определения идентичности городского населения Витебской губернии в условиях войны 1812 года, то наиболее объективными данными, на наш взгляд, являются уже упомянутый ранее комплекс архивных источников, составляющий многочисленные прошения и рапорты местного населения о помощи в связи с военными действиями. Так, среди основных используемых в нём «**маркеров-понятий**» самоидентификации городского населения (различных сословий), можно выделить следующие: «**Witebski obywatel Wincenty Gortyllo**», «**Витебский обыватель Фёдор Рында**», «**obywatel miasta Witebska Jakob Bohdanowicz**», «**белорусский дворянин Иван Щебровский**», «**dwaranka Anna Samowiczowa**», «**заступающий должность Лепельского городничего подсудок Игнатий Корсак**», «**Иван Рациборский бывшего польского двора шамбелян**», «**полоцкая жителька Marta Pietuchowaja**» и т.д. [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95 ЛЛ.133-162].

Таким образом, можно утверждать следующее: во-первых, территория Витебской губернии в период русско-французской войны 1812 года воспринималась с одной стороны, как - **Польша – Литва (бывшая территория Речи Посполитой - Великого княжества Литовского)**, либо как - **Белоруссия (в официальной российской либо иной переписке того периода) территория, приобретённая Российской империей в результате разделов Речи Посполитой 1772 – 1995 гг.)**. Во-вторых, в условиях отсутствия либо наличия слабовыраженных нациообразующих процессов на исследуемой территории в указанный исторически период этническая идентичность местного населения представляется нами в виде «**спектра понятий**», несвязанных с современными определениями наций: **поляки** – дворяне (различного рода занятий) римско-католического вероисповедания, мещане (в малой степени крестьяне) униатского вероисповедания, уроженцы бывшей Речи Посполитой, этнические поляки; **литовцы** – уроженцы бывшего Великого княжества Литовского независимо от сословного и конфессионального происхождения; **русские** – чиновники великороссийских губерний либо военнослужащие российской императорской армии, местное православное население. В-третьих, в указанный исторический период этническая самоидентификация дворян-католиков, а также мещан-христиан также **спектрально** определяется **понятиями-маркерами** – **поляк, литовец**, географической координатой – **обыватель, житель (жителька)** такого – то города (местечка) либо принадлежностью к административной должности бывшей Речи Посполитой – **подсудок, подлекарь, шамбелян бывшего «польского двора**» и т.д. (в отличие от периода восстания 1863 года). Этническая идентификация и самоидентификация крестьян Витебской губернии в указанный период выражена слабо (см. предыдущий отчёт).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапунов, А.П. Историко-статистический очерк г. Витебска / А.П. Сапунов // Витебская старина. Т.1. – Витебск, 1883. – С. 559-625
2. Витебск во время Отечественной войны 1812 года. – 2018. – Режим доступа: http://www.evitebsk.com/wiki/Витебск_во_время_Отечественной_войны_1812_года. – Дата доступа: 12.05.2018.

3. Bohomolec // Herbarzh Polski / Oprac. A. Boniecki. – T.I. Warszawa, 1899. – S. 360-361.
4. Пасторе, А.Д. Записки маркиза Пасторе о 1812 / А.Д. Пасторе ; пер. с франц., примеч. П. Бартенева // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. Вып. 12. – С. 481-548.
5. Ла-Флиз Д. де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году / де Ла-Флиз Д. – М. : Образование, 1912. – 145 с.
6. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. / сост. А.М. Васю-тинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. – М. : Гос. Публичная ист. б-ка России, 2012. – Ч. 1–2. – 736 с.
7. Истинное описание или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная в Могилёве и Витебске (1752 – 1823). – СПб, 1872. – 380 с.
8. Отечественная война 182 года // Материалы военно-учёного архива генерального штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XIV. Боевые действия в 1812 г. – СПб, 1910. – 344 с.
9. Сегюр, Ф.-П. История похода в Россию. Мемуарыгенерал-адъютанта / Ф.-П. Сегюр. – М. : Изд-во «Захаров», 2014. – 488 с.
- 10.Зотов, Р. Рассказы о походах 1812 -1813 гг. прапорщика санктпетербургского ополчения / Р. Зотов. – СПб, 1836. – 183 с.
- 11.РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 92.
- 12.РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95.
- 13.Приказы по Первому отдельному пехотному корпусу генерала П. Х. Витгенштейна из фондов Музея - заповедника "Бородинское поле" как источник о событиях 1812 года. – 2022. – Режим доступа: <http://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=>. – Дата доступа: 12.05.2022.
- 14.Отечественная война 1812 года // Материалы военно-учёного архива генерального штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XVIII. Боевые действия в 1812 г. – СПб, 1911. – 287 с.
- 15.Зарин, А.Е. Исторический очерк Отечественной войны / А.Е. Зарин. – СПб, 1911. – 126 с.